

РОССИЙСКИЙ ОСТРОВ С ЯПОНСКОЙ ДУШОЙ

Кунашир переживает инвестиционный бум: на самом южном из Курильских островов строятся дороги и причалы, реконструируется аэропорт. Станет ли один из наиболее удаленных уголков России привлекательным для жизни местом?

ТЕКСТ: ДАНИЛ ЛИТВИНЦЕВ
ФОТО: АНДРЕЙ ШАПРАН

рукой подать до Японии

Вид на Кунашир с вулкана Менделеева, слева на горизонте — Хоккайдо. Россию и Японию здесь разделяют три десятка километров. Погода на острове настолько переменчива, что нередко отменяются авиарейсы из Южно-Сахалинска

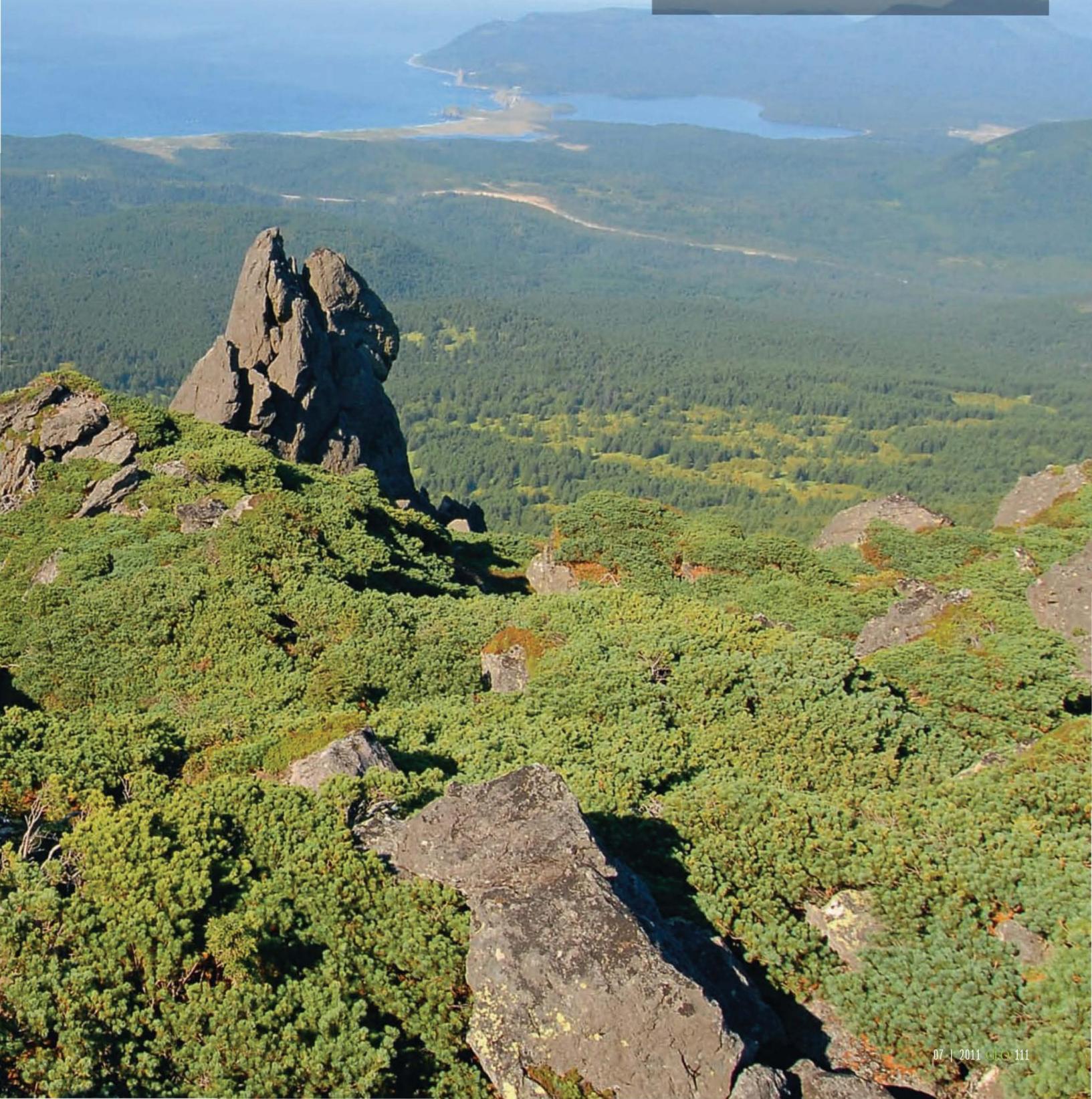

ФОТО НА ПАМЯТЬ

Японские туристы фотографируются у скалы Чертов палец недалеко от Южно-Курильска. С 1992 года по программе безвизовых обменов на Южно-Курильских островах побывало более 18 тысяч туристов из Японии

ЗАРЖАВЕВШЕЕ ПРОШЛОЕ

Большинство судов на рейде — старые японские шхуны, доживающие свой век в российских водах. Где-то еще торчат остовы затонувших кораблей, остатки советского рыболовного флота. Сейчас бухту активно очищают от металлолома, а новый глубоководный пирс позволяет швартоваться в Южно-Курильске судам океанского класса

СЛОЙ дохлой, полуразложившейся рыбы устилает каменистое дно Андреевки — одной из множества рек, стекающих в Тихий океан с гор Кунашира. Тяжелая вонь разливается по тенистой, заросшей низкорослым бамбуком речной долине. В естественной запруде, поверх мертвой рыбы, бок о бок стоят тысячи еще живых лососей — здоровенных полуметровых рыбин. Они собирают силы для преодоления Андреевского водопада.

Два десятка японских туристов, испуская восторженные взоры, щелкают затворами фотоаппаратов. Цутому Оцзука, 43-летний звукооператор из Токио, невольно морщится. До этого он видел столько рыбы только на рынке Цукидзи, но там пахнет приятнее. А история его семьи напрямую связана и с тихоокеанским лососем, и с островом Кунашир.

Сто лет назад у его дедушки был здесь небольшой консервный завод, на самом юге острова, в поселке То-

ми, который сегодня называется Головнино. Племянники дедушки помогали ему складывать рыбу и управляться с производством. Но в 1930-е годы молодежь перебралась на соседний Хоккайдо — работы там было больше, а условия жизни лучше. После Второй мировой войны остров покинули последние японцы.

«Япония — страна не восходящего, а заходящего солнца», — неспроста уверяют жители Кунашира. По вечерам светило опускается за громоздящейся к западу от их острова гористой оконечностью Хоккайдо. Утром же солнце появляется с противоположной стороны — из дымки, висящей над Тихим океаном, сквозь которую на горизонте темнеет Шикотан — восточный сосед Кунашира и единственный обитаемый из островов Малой Курильской гряды. За ним до самой Америки — лишь тысячи километров бурных океанских вод.

С раннего утра улицы Южно-Курильска, островной столицы, гудят

Русско-японский ужин в Южно-Курильске.

Хозяйка дома была в Японии 18 раз и выучила японский, чтобы объяснять гостям, что такое «селедка под шубой»

Урок каллиграфии
в поселковом Доме культуры. Каждый раз к приезду гостей в Южно-Курильске устраивают русско-японские игры

от пылящих во все стороны машин. На 10 600 жителей района, включая стариков и детей, приходится 2500 автомобилей. По количеству машин на душу населения Кунашир догоняет Москву.

Все машины — японские. «Я приехал сюда в 1980 году на пару лет, хотел заработать на «Жигули». Прошло тридцать лет, я до сих пор здесь, но «Жигули» так и не купил!» — смеется 56-летний Геннадий Дияшкин, штурмую на мощном японском пикапе песчаный берег Лагунного озера.

«Жигулей» на Кунашире действительно нет — местные жители ездят на старых японских внедорожниках или армейских грузовиках. Потому что, несмотря на обилие машин, на острове нет ни километра асфальтированных дорог.

Геннадий Дияшкин — бригадир рыбаков одного из перерабатывающих предприятий Кунашира. В 7.30 утра он забрал из поселка двух рыбаков, бросил в кузов ящик с продуктами и отправился на западный берег острова, омыываемый водами Охотского моря. Его называют Охотской стороной.

Дорога идет по заросшим кедровым стлаником и скрюченными от ветров елями косогорам. Через десяток километров путь преграждает шлагбаум, у которого дежурит пограничник. Геннадий здоровается с ним за руку, тот уходит в домик —

передать по телефону на заставу: «Рыбаки хотят проехать к скале Парус и выйти в море для проверки невода».

Пограничники и рыбаки знают друг друга давно, но ритуал с передачей данных повторяется каждый раз. По вечерам от шлагбаума видны огни прибрежных городков на Хоккайдо и даже свет автомобильных фар. До Японии отсюда 36 километров, а до морской границы — вдвое меньше. Поэтому любое передвижение по берегу, а тем более выход в море, нужно согласовывать с береговой охраной. «Они следят, чтобы мы на моторках с уловом на Хоккайдо не гоняли и заработанные деньги пропивали у нас, а не в Японии», — хихикают с заднего сиденья рыбаки.

Рыбацкий стан бригады — два вагончика, в одном из которых нары и склад снаряжения, в другом — кухня с японской газовой плиткой и чайником. «Телевизор у нас показывает только японские каналы. Мы по нему прогноз погоды тамошний смотрим — он точнее», — говорит Андрей Дияшкин, 36-летний племянник Геннадия. Андрей приехал на Кунашир из Амурской области — на лососевую путину. Невысокий, короткоствриженый, с телосложением профессионального гимнаста, Андрей стоит в фартуке перед сковородкой и готовит завтрак. На

сковороде шкварчат розовые куски горбуши. На столе высится гора жареной рыбы, рядом — миска с красной икрой, из которой торчит ложка. Рыбаки наливают себе по кружке чая, зачерпывают ложками икру, закусывают ее вареной картошкой. Принятые в европейской части России бутерброды здесь считаются бестолковым изыском.

На часах 11.00. Не дождавшись прогноза погоды по японскому телеканалу, Геннадий звонит по мобильному в Южно-Курильск. Звонок считается международным, потому что в его телефоне — японская симкарта — ни один из российских операторов не обеспечивает связь на Охотской стороне Кунашира. Синоптики обещают хорошую погоду. Рыбаки быстро переодеваются в резиновые полукомбинезоны, спускают на воду десятиметровую деревянную лодку и вчетвером выходят в море.

С борта лодки сквозь чистейшую морскую гладь видна буйная подводная растительность. Акватория Курильских островов — один из богатейших и экологически чистых районов Мирового океана. Миллиард долларов в год, по оценкам экспертов федерального агентства по рыболовству, могут приносить рыбные ресурсы здешних вод. Между тем уже не один год рыбаки жалуются: рыбы становится все меньше и меньше.

«Август был очень жарким, море прогрелося, и рыба ушла в районы с холодной водой, — объясняет Геннадий, направляя лодку вдоль побережья на север. — Циклон нужен. Станет прохладнее, и рыба вернется. Но могут объявить штормовую, тогда нам придется снимать невод, и мы опять останемся без улова».

350-метровый невод, тянувшийся от берега в море, заметен издали благодаря кучающимся на волнах белым поплавкам. Как только лодка пересекает первую линию поплавков, в садке — части невода, где скапливается рыба, вода словно закипает: сотни рыбьих хвостов взбивают морские волны, осыпая брызгами рыбаков. Геннадия это зрелище не впечатляет: «Килограммов двести здесь, это разве улов? Вот когда три тонны в садке бьется, тогда другое дело — тянуть хоть и трудно, но приятно!»

В Охотском море ловят и сайру, и палтуса, и камбалу, и треску. Но под «рыбой» местные жители обычно подразумевают лососевых — гор-

буши и кету. Добывать их выгоднее всего — из-за их икры.

Лососевая путина начинается в середине июля и заканчивается к середине октября. В это время на Курилы съезжаются сотни сезонных рабочих из Сибири и Дальнего Востока: одни выходят в море на промысел, другие обрабатывают улов на берегу, но и те и другие рассчитывают на высокую зарплату.

ДОБЫЧА И ПЕРЕРАБОТКА РЫБЫ И МОРЕПРОДУКТОВ — основа экономики Курил, по сути — это единственный прибыльный бизнес. За несколько минут бригада Геннадия перегружает улов в лодку и разворачивается обратно. На дне лодки бьется примерно по 100 килограммов отливающей синим скумбрии и яркой серебристой горбуши. Вообще-то в лодку помещается 3,5 тонны груза, и дни, когда она наполнена рыбой «под завязку», рыбаки считают удачными.

За каждую тонну горбуши бригада получает 4 000 рублей. Как го-

Проверка невода
в проливе Немуро, разделяющем российский Кунашир и японский Хоккайдо. На этом месте за один день бригада может добывать несколько тонн рыбы

Добыча рыбы — основа местной экономики. Но количество ее уменьшается

ворит Геннадий, когда лосося действительно много, бригада может сдавать и по десять тонн в день. Но таких уловов не было ни в прошлом, ни в позапрошлом годах.

«Я здесь второй год подряд, в прошлом году заработал 150 тысяч», — говорит Андрей Дияшкин после возвращения бригады на берег. Слушая рассказ о зарплате, 26-летний Константин Петренко, родившийся и выросший на Кунашире, ухмыляется. Лично он считает достойной зарплату в минимум 250 000 рублей за путину. Пять минут назад он сравнивал с коллегами несколько моделей японских машин, одну из которых намерен купить. Для этого, правда, выручки с одной, даже богатой путиной, не хватит. «У нас всегда можно заработать, когда знаешь, что делать и к кому обращаться», — говорит Константин.

У Андрея же своя позиция: «Даже если в этом году заплатят, как в прошлом, я не расстроюсь — у нас в Амурской области такого не заработать — в деревне полный развал. А в Южно-Курильск приезжаешь — и жизнь кипит, и деньги есть, и жить можно по-человечески!»

До 1946 года Южно-Курильск назывался Фурукамаппу. Его сегодняшние жители уверены, что это название в переводе с японского означает «гнилое место». Японцы

уверяют: старое название непереводимо. «Это они из вежливости, — не унимаются курильчане. — У нас вечно туман и морось, а отъедешь десяток километров — прекрасная погода!»

С пляжа на противоположном берегу Южно-Курильского залива столица Кунашира выглядит совсем не «гнилой»: хоть и старые, но аккуратные двухэтажные дома, облицованные яркими синими и белыми пластиковыми панелями, рассыпаны по высокому зеленому мысу, отделяющему залив от океана. В дымке из облаков будто парит конус вулкана Тя-тя — грозный символ Кунашира, последний раз просыпавшийся в 1973 году. У подножия более близкого действующего вулкана — Менделеева, раскинулся «пригород» — поселок Горячий Пляж с базой пограничников.

Военные всегда умели выбирать хорошие места: их дома утопают в цветах — гортензиях, примулах, местных орхидеях; по дорожкам под сенью тисов прогуливаются спортсмены в шортах и футболках — пограничники-контрактники, у которых закончился рабочий день. О том, что территория «режимная», напоминает лишь пара боевых вертолетов на лужайке перед казармой. А в остальном — вылитый субтропический курорт, ведь недаром находится на широте Сочи!

Причина благодатного микроклимата в Горячем Пляже скрывается под землей: из недр вулкана Менделеева изливается горячая вода, в которой растворена чуть ли не вся одноименная периодическая система элементов. Здешние горячие источники сильнокислых, натриевых, борных и прочих сульфатно-хлоридных вод признаны лечебными: по вечерам в бассейнах под открытым небом греются десятки кунаширцев, избавляясь от костно-мышечных, кожных, сердечно-сосудистых заболеваний.

В 1992 году на склоне вулкана геологи пробурили скважину, сквозь которую на поверхность начала вырываться пароводяная смесь. Над скважиной поставили энергоблок с турбиной. Так было положено начало Менделеевской геотермальной теплоэлектростанции.

Сегодня четыре турбогенератора станции полностью обеспечивают электричеством и поселок Горячий Пляж, и половину потребностей Южно-Курильска. После «огня» турбин пароводяная смесь по трубам отправляется в котельные — в обоих поселках здания, подключенные к системе центрального отопления, обогреваются с помощью естественного подземного котла. Так что поселок на самом южном острове Курильской гряды вполне можно считать образцом для подражания «чистой электроэнергии» будущего. ➤

→ От райских кущ Горячего Пляжа до обдуваемого всеми ветрами Южно-Курильска тянется пятикилометровая полоса серого вулканического песка, на которую накатывают пенистые волны. Идиллический пейзаж нарушают торчащие из-под воды ржавые мачты полу затопленных судов — остатки некогда мощного советского рыболовного флота.

Но местные власти активно очищают прибрежные воды от металлического лома. От порта в море на полторы сотни метров уходит гигантский, сверкающий новым бетоном мол. В феврале сдали в эксплуатацию новый 125-метровый пирс, и теперь в Южно-Курильске могут швартоваться суда океанского класса.

Строительство глубоководного пирса и модернизация геотермальной электростанции — пункты правительственный программы развития Курильских островов, принятой в 2007 году. До 2015 года правительство России потратит 18 миллиардов рублей на строительство и ремонт дорог, причалов, аэропорта,

новых рыбоперерабатывающих заводов, школ, больниц, детских садов и жилых домов.

Предполагается, что в результате постоянное население Курил вырастет с нынешних 19 до 30 тысяч человек, а современные предприятия начнут приносить доход.

Пока же Курильские острова, в акватории которых одних только биоресурсов плавает и ползает на 2,5 триллиона долларов, — самый дотационный регион России. Все — от продуктов питания до тяжелой техники — сюда привозят или из Владивостока, или с соседнего Хоккайдо.

«ЭТИ ОСТРОВА НЕ БЫЛИ для японцев КРАЕМ СВЕТА, здесь до 1945 года работали не только консервные заводы, но и предприятия по производству йода, кирпича, здесь добывали золото и серу», — уверяет кунаширский старожил Михаил Лукьянов, приехавший на остров еще в 1959 году.

Из окон его деревянного дома на склоне сопки виден почти весь по-

Поселок пограничников Горячий Пляж карабкается от океанского побережья на склоны вулкана Менделеева. Местная геотермальная теплоэлектростанция снабжает горячей водой не только поселок, но и большую часть Южно-Курильска

Старые японские автомобили и выброшенные на берег листья морской капусты — привычная картина для российского Дальнего Востока. Берега рядом с поселками на Кунашире завалены мусором, поэтому домашние свиньи всегда находят, чем здесь поживиться

селок. И как только на улицах начинают что-нибудь копать — проекладывать ли канаву или чинить канализацию, — Лукьянин сразу спешит туда. Потому что земля в Южно-Курильске начинена ценнейшими предметами японской старины.

Например, семь лет назад Лукьянин нашел статуэтку синтоистского бога плодородия: рабочие рыли в поселке траншею и ткнули в глинянную фигурку лысого толстяка лопатой. На изголовье статуэтки красовался отпечаток большого пальца японского скульптора — как признак высшего мастерства.

Увлечение Михаила японским культурным наследием началось в 1970-е годы, когда прибой выносил на берег расписные черепки. Лукьянин嘗試 восстановить орнаменты, и у него проснулся интерес к японскому искусству. Свои отпуска работник южно-курильского порта Лукьянин проводил в Музее Востока в Москве и в Эрмитаже в Ленинграде, он сидел в библиотеках, скапывал редкие книги по японской традиционной культуре, научившись со временем отличать стили эпохи Мейдзи от эпохи Эдо.

Но главное — он понял, что в кунаширской земле лежат сотни, если не тысячи уникальных предметов старины, привезенных сюда когда-то с главных японских островов. «У меня, например, есть ваза именитой японской школы керамики

Кутани. Ничего подобного нет ни в одном музее России! — хвастается Лукьянин. — Не знаю, сколько она пролежала в вулканической земле, омывалась едкой морской водой, но и материал, и эмаль, и рисунок прекрасно сохранились!»

В советские времена им интересовалась прокуратура. «Меня выслушали и сказали: «Копай хоть до Нью-Йорка! Бывшие японские деревни — это не памятники культуры!» — вспоминает Михаил.

Статуэтку бога Дайкоку Михаил склеил и сфотографировал. На его просьбу помочь определить возраст российские музеи ответили одинаково: «Присылайте оригинал, в обмен мы пришлем информацию». Тогда он написал в краеведческий музей на Хоккайдо, в ответ ему предложили продать Дайкоку. «Но зачем продавать шедевр, на котором отпечаток руки мастера! Я лишь хочу узнать, когда и кем сделана статуэтка!» — негодует археолог-любитель.

По его словам, еще в 1960-е годы по всему Кунаширу стояли синтоистские храмы, в старых японских домах жили советские рыбаки, местами сохранились мощенные деревянными плахами дороги. Но позже все это было уничтожено: «Советская власть стирала следы японского пребывания на острове».

Михаил Лукьянин уверен: ситуация с изучением японского насле-

дия на Кунашире сегодня не отличается от той, что была в Советском Союзе. Памятниками по-прежнему считаются лишь объекты культуры айнов — коренного населения островов, живших здесь до прихода русских и японцев. Произведения же японского искусства, фундаменты японских домов, синтоистских храмов — всего лишь «следы ликвидированных поселков», которыми не занимаются профессиональные археологи. Российские же дореволюционные артефакты за почти 40 лет любительских раскопок на острове Михаилу не попадались.

«Все тут прогнило», — бурчит под нос меняющий доски на паперти церкви Южно-Курильска плотник — невысокий мужичок в синей робе. Он кивает в сторону продуктового магазина «Вайнах»: «Скинулись бы эти... коммерсанты, подправили бы мы тогда храм!» А если эти коммерсанты не православные? «А если они не православные, то нечего им на наших островах делать!» — отрезает плотник и вгоняет в доску большой гвоздь.

Служащий в церкви молодой священник Александр придерживается более либеральных взглядов. Он приехал на Кунашир совсем недавно и уже развел бурную просветительскую деятельность: по воскресеньям беседует с подростками о вреде алкоголя и наркотиков, уст-

раивает в храме специальные службы для алкоголиков.

Но самое сильное впечатление на кунаширцев произвело другое начинание священника. «Батюшка пустил в храм японцев!» — перешептываются покупательницы местных магазинов.

46 лет доступ на Курильские острова гражданам Японии был закрыт. Лишь в 1992 году сюда приехали первые японцы — в рамках соглашения о безвизовых обменах между жителями Южных Курил и Японии. С тех пор на Курилах побывало более 18 000 японцев, среди которых немало пожилых бывших жителей «северных территорий», как называют Южные Курилы в Японии.

В Японию же за это время съездили тысячи курильчан. Причем не только на Хоккайдо, но и в Токио, Киото и даже на тропическую Окинаву. Сегодня на вопрос «Кто был в Японии?» поднимают руки все старшеклассники южно-курильской школы.

Кроме сохранившихся двух японских кладбищ гостей из Японии возят к главной местной природной диковине — Столбчатому мысу; хвалятся новым детским садом с бассейном и строящимся аэропортом; показывают, как нерестится лосось в реках и как копают во время отлива на берегу моллюсков.

Православный храм оставался единственным местом в Южно-Курильске, куда японцам вход был закрыт. С приездом же отца Александра перед гостями пал и этот бастион — японским девушкам даже разрешено посещать церковь без платков. В ответ православный священник сразу же был приглашен в Японию.

«И ПРАВИЛЬНО! Мы же, когда в Японию ездим, посещаем синтоистские и буддийские храмы!» — поддерживает Тамара Потапова. В свои 75 лет она была в Японии 18 раз, объехав всю страну. Она признается, что больше всего ей нравится бывать в японских семьях — только так, по ее словам, можно понять культуру и

Статуэтку синтоистского бога житель

Южно-Курильска Михаил Лукьянин нашел при рытье канавы в поселке. По словам археолога-любителя, земля на Кунашире полна произведений японского искусства.

Однако они не считаются культурным наследием и официально именуются «остатками японских поселений»

ЗА КАДРОМ

Фотограф из Новосибирска АНДРЕЙ ШАПРАН первый раз приехал на Курилы в 1996 году. «Меня сразу поразило на островах ощущение свободы и невероятного единения с природой. Океан, дикая природа здесь преобладают во всем. Эти острова труднодоступны и от этого еще более притягательны», — говорит Андрей Шапран. Чтобы подготовить этот фотопортрет, на Кунашире он провел почти три месяца. Это была его четвертая поездка на Южно-Курильские острова. До этого он бывал в аналогичных фотоэкспедициях на Чукотке и Камчатке.

Журналист из Санкт-Петербурга ДАНИЛ ЛИТВИНЦЕВ (на фото) отправился на Курильские острова впервые. «Я ожидал увидеть если не «голые скалы в море», то дикий, заброшенный край, в котором живут немногочисленные потомки тех, кто приехал осваивать острова в 1945 году, — делится автор статьи впечатлениями от недельного пребывания на Кунашире. — На деле же Кунашир оказался «островом сокровищ» с роскошной растительностью, пронзительными пейзажами и очень энергичными жителями: многие приехали на остров не так давно — работать и жить, причем жить хорошо. На тесную, суэтную жизнь в городах большинство нынешних островитян уже не согласны».

образ жизни. Поэтому, когда на Кунашир приезжает очередная группа японцев, Тамара Васильевна обязательно зовет кого-то из гостей к себе на ужин.

Так и сегодня. В комнате накрыт длинный стол, хозяйка носится с тарелками из кухни в комнату и обратно. Десять лет назад она начала учить японский язык. Каждое лето на Кунашир приезжают учителя из Японии, организуют краткосрочные языковые курсы. Самые способные российские студенты приглашаются на месячную стажировку на Хоккайдо.

«Учить японский я решила, когда один из моих гостей, уплетая селедку под шубой, спросил, что это такое. Я ему показала сельдь, а потом приволокла из кладовой шубу. Но он так ничего и не понял!» — хочет Тамара Васильевна.

Шестеро японских гостей, среди которых и Цутому Оцука из Токио, приезжают в семь вечера. Хозяйка приветствует на японском. С 65-летним Яно Сёки из Саппоро Тамара Васильевна обнимается как со старым другом: он у нее в гостях не первый раз.

Директор института космической и полевой медицины, Яно Сёки — единственный из японцев, говорящий по-русски. «Я в молодости прочитал «Тихий Дон» на японском. И решил выучить язык страны, в которой живут такие замечательные люди», — рассказывает за столом доктор медицины.

В начале 1990-х годов, когда ему впервые предложили поехать на Кунашир, он мгновенно согласился. Нет, у него никогда не было родственников на этом острове. Просто он хотел прикоснуться к русской культуре.

На накрытом белой скатертью столе — смесь Запада и Востока: блины с мясом рядом с морским гребешком в соевом соусе, рыбные котлеты и соленые стебли лопуха, вареные креветки и картошка с луком. Тамара Васильевна наливает гостям по стопке своего фирменного самогонса. Первый тост, конечно, за русско-японскую дружбу.

В разгар ужина Цутому Оцука из Токио показывает на тарелку с сель-

дью под шубой и спрашивает: «А это что?» — «Иvasи, что значит по-японски «сельдь», — со знанием дела перечисляет Тамара Васильевна и вдруг запинается, забыв, как будет по-японски «свекла»!

Хозяйка извлекает с полки толстенный русско-японский словарь, стоящий среди альбомов сrepidукциями Хокусая и романов Харуки Мураками. Тем временем один из гостей — хирург местной больницы — выбегает из дома в огород. И через минуту предъявляет публике выдернутую с грядки свеклу, с которой на скатерть сыплется земля. И японцы, и курильчане хохочут.

Наутро японские гости мокнут под дождем на причале в ожидании своего теплохода. С океана дует пронизывающий ветер. Рабочие на причале говорят о том, что сегодня не прилетит самолет из Южно-Сахалинска, а значит, и на Сахалин не улететь. Японцы тоже что-то бурно обсуждают. Цутому Оцука признается, что совсем не ожидал увидеть на Кунашире таких открытых и приветливых людей.

Татьяна Потапова домывает гору посуды, оставшуюся после гостей, и затапливает печь. Да, она слышала, что многие дома в поселке отапливаются вулканом, но к ее дому не подведены трубы центрального отопления. Она слышала и о строительстве современного жилья в рамках какой-то там программы. Но у нее дома в коридоре с 1994 года свисает выскошившая из паза балка — последствия девятибалльного землетрясения. Перенесет ли ее деревянный дом еще один катаклизм? Хозяйка пожимает плечами.

Геннадий Дияшкин рано утром, в тумане, снова уехал на берег Охотского моря. Он тоже много раз был в Японии, но не по программе безвизовых обменов, а по паспорту моряка и совсем с другими целями. Тогда, как и сейчас, волновалась погода. От которой зависит его улов, а значит, и его зарплата. И не только его. Весь остров Кунашир зависит от океанов и фаз Луны, от приливов и отливов, от ветров и течений — морских и политических. ☐